

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-92

Издательство выражает благодарность
за помощь в получении прав
литературному агенту **Ирине Горюновой**

Издательство выражает благодарность
за работу над изданием
литературному редактору **Инге Кузнецовой**
фотографу **Андрею Федечко**

Охлобыстин, Иван Иванович.

О-92 Записки упрямого человека. Быль / Иван Охлобыстин. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Миры Охлобыстина).

ISBN 978-5-17-115316-8

В своей новой автобиографической книге знаменитый актер, сценарист, писатель и священник, сделавший временный перерыв в служении, приоткрывает занавес — и пускает нас в свою гримерку, где вперемешку лежат медицинский халат, церковное облачение, рокерская куртка и драные джинсы.

Он вспоминает о детстве, рассуждает на острые темы, философствует, провоцирует публику, балуется и призывает к действию, остроумно пытаясь разобраться в противоречиях своей артистической натуры.

Героем этой и фантазмагорической, и вполне реалистической прозы выступает он сам!

Кто перед нами: доморощенный философ, блестящий актер, трогательный отец, самозабвенный пророк или шут? Возможно все сразу, и именно это необыкновенно интересно.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115316-8

© Текст. Иван Охлобыстин, 2019
© Оформление ООО «Издательство АСТ»
© Фото, Андрей Федечко

От автора

Речь породила метафоры, метафоры породили теги, теги породили мемы. Так до дельфинов эволюционируем. При помощи свиста общаться будем. А позже, окруженные услужливыми машинами, войдем в такой понятийный абсолют, что и общение ни к чему будет. Не знаю — хорошо это или плохо? Жизнь покажет. Но пока этого не произошло, напомню: чтение текста с листа — единственный способ быстро повысить свой IQ. Что понять не сложно. По сути, это биокриптографическое усилие — проанализировать рассудком и превратить воображением символы на бумаге в полноценную картину. Как йога, только народная. Так и просится добавить: блатная, хороводная. Но не буду. Нет задачи шокировать. Хотя...

Часть первая
СКАЗОЧНЫЕ ВРЕМЕНА

Бронзовые трубы

Представляя в детстве свое будущее, я неизменно включал славу даже в самый аскетичный список.

Мое младенческое воображение рисовало ослепительные картины великосветских вечеров и пленяющую истому пляжных будней, лакричный привкус на губах от абсента, за мгновение до этого выпитого случайно встреченной на балу длинноногой креолкой; плотоядную ярость гоночного болида, с отчаянным стоном испаряющего знойную дымку над пустынной автострадой; белый шелк, волнами ниспадающий с загорелых девичьих плеч на прохладные плиты запущенного зимнего сада; неоновое зарево над берегом вдали, наблюдаемое с капитанского мостика трехпалубной яхты, купленной

в придачу к острову в Тихом океане; сладкие опиумные сны (с собственным свежееотпечатанным романом на коленях) в глубоком кресле под книжными стеллажами в огромной библиотеке; сдержанный полупоклон под восторженный рев толпы на церемонии прижизненного открытия бронзового памятника на площади в исторической части города.

Много еще о чем думал голенастый третьеклассник, собирая с бабушками черную смородину на деревенском огороде много-много лет назад. Именно в те сказочные времена я записал в свой список славу вторым пунктом, первым неизменно шла семья, потому что у меня ее толком не было. Но уже тогда я понимал, что слава в ее каноническом варианте — не совсем то, что может предложить отчизна, хотя искренне надеялся, что к возрасту моей половой зрелости сама отчизна должна будет некоторым образом измениться. Так и произошло. Или почти так. Искренне убежден, что совершил преступную ошибку, не сформулировав детально на листе, вырванном из тетради по математике, подробный план изменений родины. Обычно все происходит так, как я наметил. Или мне это просто кажется. Может, чередой совпадений?

Но я был тогда удивительно наивен и полагал, что большинство людей мечтает о том же, что и я. Как я ошибался, считая очевидным неприемлемость личного счастья вне контекста всеобщего душевного благополучия! Большинство об этом даже не догадывалось и при каждом удобном случае тянуло одеяло на себя, отчего часть моих грез до сих пор на очереди к реализации. Да! Нужно относиться серьезнее к своим желаниям, они, по милости Божией, всегда сбываются. Сбываются у всех, и по достижении Высших Сфер образуют невообразимый хаос, будучи не скоординированными между собой. Оттого и не люблюсь я до сих пор огнями полуночного курорта с капитанского мостика.

Однако и полным провалом назвать это нельзя. Все-таки не душная пьянка в буфете Центрального дома актера в окружении сизоносных членов Союза кинематографистов, пребывающих в непрерывном обсуждении, почему Михалков один деньги украл. Мягче условия.

Репродуктивные задачи на некоторое время отвлекли меня от любимой игры в жизнь. Иначе было бы легкомысленно, да и не по списку. Размножаться лучше всего в возрасте, когда уже есть что передать в ДНК потомству, при

этом не обрекая его на склонность к вегетососудистой дистонии или еще каким чисто возрастным неприятностям, что неизменно происходит при излишне зрелом возрасте производителей. Но детей уже шесть, и можно переходить ко второму пункту списка — к славе.

Навскидку прикинув предложенные реальностью возможности, я, к своей печали, отверг литературный рынок, а о кинематографе, с учетом отсутствия у него самостоятельного рынка, и говорить не приходилось. Оставалось только телевидение. Понимание этого мной побудило одного хорошего режиссера предложить мне роль доктора-негодяя в 60-серийном сериале. Встреча с продюсерами окончательно подтвердила мой выбор, и я с упоением погрузился в рокошущую пучину телеиндустрии. Как бы ни сопротивлялись сторонники «высоких форм», голубой экран безжалостно оттеснил их в нишу театра кабуки и полевых военно-исторических реконструкций. Что неплохо. Это должно сказаться на качестве высоких форм, чьи творцы в последние годы излишне увлеклись инсталляциями и частично потеряли доверие публики. Зритель в принципе готов принять рассуждения голого Гамлета о вопросах бытийности, но он хотел бы увидеть

принца Датского и в привычном с детства белье. Экспозиция мертвых кукол Барби в убранных кристалликами от Сваровски гробиках весьма поучительна, но и по «Девятому валу» Айвазовского народ все еще скучает.

Телеиндустрия сразу предоставила мне свои мощности для приведения в действие ранее заготовленного плана стремительной популяризации в массовом сознании моего противоречивого образа. В данном случае противоречия — необходимый элемент освоения всех сегментов рынка. Тебя ругают, когда ты плохой, тебя хвалят, когда ты хороший, — это неважно, важно только эфирное присутствие. Массовому зрителю, по большому счету, все равно, что ты делаешь на экране, он хочет запомнить тебя, чтобы твой образ стал еще одним элементом личностной самоидентификации. «Это корова, она дает молоко, живет в моей деревне, где живу я, а я Боря Борисов». Вот рабочая схема популярности. И телеиндустрия работает с ней.

Вторым важным условием достижения нужного результата является наличие заранее подготовленной мифологемы для общения с патологически ленивыми печатными изданиями. Среднестатистическая публикация — плод совместного труда

Всемирной сети, второкурсницы журфака и выпускающего редактора. В свободное от посещения кафетерия время второкурсница при помощи одной из поисковых систем Интернета выуживает информацию о том, что Петя Петров снимается в кинокартине, где он по сюжету попадает в аварию. Затем она методом «выделить» переносит готовый текст на пустую страницу в своем компьютере, венчает перенесенное заголовком «Петя Петров едва не погиб в страшной автокатастрофе» и тащит эту чушь не более ответственному выпускающему редактору. Тот тщательно подсчитывает количество печатных знаков, убирает лишние и посылает текст в печать. И таким образом можно остаться в памяти потомков кем угодно, главное — успеть сгрузить в Сеть варианты на выбор, и лучше, если они вступают в прямое противоречие друг с другом.

Однако в наше время без нужного «ключа» эта машина вряд ли заработает на полную мощь, даже если ты напишешь сотни книг, снимешься в десятках фильмов или победишь гравитацию. А ключ один — непрерывное присутствие твоего лица на телеэкране. Момент узнавания актера в жизни — единственный критерий его успеха, во всяком случае для продюсеров, пусть они играли в детстве на скрипочке, в молодости «болели»

Ницше, а в более зрелом возрасте отдали предпочтение творчеству Тима Бёртона. Это не имеет значения. Твоя цена у них — количество узнаваний на улице. Продюсерами в работе руководят мотивы значительно более веские, нежели весь накопленный ранее культурный бэкграунд или принятые у воспитанных людей представления о художественной ценности производимого продукта. Хотя бывают исключения, чаще среди телевизионных продюсеров, что объясняется их гипотетической возможностью самим моделировать вышеупомянутый «ключ узнаваемости».

В идеале к моменту появления ключа было бы неплохо уже что-нибудь приличное сделать. Тогда вслед за первой фазой (узнавание) наступает вторая — знакомство. Тут уже вспомнят и оценят по достоинству все твои прежние работы, выдадут забытые награды и спешно добавят новые. Если работ ранее не имелось, то придется ожесточенно «пузыриться» в общественных местах среди тебе же подобных «пузырей», заводить полезные в информационном плане половые интрижки или оседать в тени обеспеченного поклонника/поклонницы.

К моменту выхода сериала я сумел на самостоятельной основе пошуметь в Сети по разным поводам,